

— Ничего-то ты не знаешь, Пропажа, давно тебя не было, это у нас так траву косят, — очень серьезно стала мне объяснять Люся, назвав меня старым детским прозвищем.

Наш разговор прервал звонок в дверь. Это пришла Наталья. Она бережно внесла огромную сумку, достала из нее плоскую форму, завернутую в фольгу, и поставила свою «летающую тарелочку» на стол. И оттуда потек давно забытый запах детства. Перед глазами сразу предстал мой дедушка, вернувшийся с рыбалки и принесший два десятка сопливых ершей, которых потом бабушка жарила на большой чугунной сковородке в печи. Как маленькая женщина умудрялась держать ухватом эту тяжеленную конструкцию над углями, не роняя ее, для меня по сей день остается загадкой.

— Наташка, не может быть, неужели это жареные ерши?! — воскликнула я.

— Да, девчонки, это ерши, сын сегодня на зорьке наловил, а я поджарила, правда, не в печи, но все равно хрустят, как семечки.

Ну что, удивила я вас, подружки?! — довольно сощурилась Наталья. — Что, Галка, как всегда, опаздывает?

— А вот и не опаздываю, — звонко закричала с порога Галина. — Что это у вас дверь нараспашку? Пахнет, как пахнет, можно с ума сойти! Приготовить я ничего не успела, зато принесла наше любимое полусладкое шампанское! Маму твою видела, хозяйшюка, на скамеечке сидит у подъезда, ножками болтает, прямо как баба Фира сорок лет тому назад. Помните бабу Фиру, девчонки?

— Да, баба Фира была потрясающей старушенцией. Всегда с причесочкой, ярко покрашенными губами и янтарными бусами на шее, — пустилась вспоминать Люся. — Если не сидела на скамейке возле подъезда, то смотрела в окошко своей квартиры на первом этаже. И любой прохожий мог попросить у нее воды или просто пустой стакан, чтобы пивка попить с другом, а нас, детей, она кормила латкес и пирогами с рыбой. А сейчас даже посту-

чать в окна первого этажа нельзя, везде решетки стоят, подъезды закрыты на кодовые замки. Даже если убивать будут, никто окно не откроет и не отзовется. Водичку только в магазине купить можно или из лужи попить. Помните, как баба Фира подвыпивших и загулявших мужиков, которых жены домой не пускали, накрывала стареньким одеяльцем, когда те засыпали на скамейке у подъезда? А потом подымалась в квартиру к строптивой жене и уговаривала ее забрать мужа, потому что так поступать приличная женщина не должна, да и другая подобрать может, поскольку завалищих мужиков не бывает, а случаются глупые и одинокие женщины.

— Какие потрясающие люди жили в этом доме, шутить умели. Уехали многие. Из нашего класса в городе осталось всего человек десять, а остальные кто в России сейчас обитает, кто в Европе, кто в Америке, кто в Канаде, ну и, конечно, в Израиле много нашего народу, — сказала Галка и вдруг озорно рассмеялась. — Помните, подружки, когда на зимние

каникулы на втором курсе к бабе Фире внук Илья приехал из Ленинграда?

— Конечно, помним, — расхооталась Наталья. — Это когда мы на танцульки у нее собрались?

— Как сейчас вижу, — утирала от смеха слезы Галина, — натащивались мы, сидим за столом, чай пьем с пирогами. Морозище тогда на улице стоял, наверное, градусов тридцать. Поздно уже было, но расходиться не хотелось. И тут баба Фира выходит из своей спальни и говорит так ласково: «Ильюшенька, помоги мне достать из шкафа дедушкино габардиновое зимнее пальто на вагине!» Мы чуть не подавились от смеха, а Илья ей отвечает: «Зачем тебе, бабушка, пальто, ведь его даже с места сдвинуть нельзя, а можно лишь использовать в качестве доспехов ратника!» — «Какие вы недобрые и глухие дети! Мороз страшный, в подъезде холодно, а там пара молодая разговаривает, а если в это время, под лестницей есть парень и девушка, значит, они там стоят и целуются и им очень неудобно и зябко! Поэтому, Ильюшенька, возьми дедушкино габардиновое пальто и пойди отдай им, чтобы они могли постелить его и сесть на подоконник площадки между первым и вторым этажами», — выговаривала нам баба Фира.

— Да, потрясающая была женщина — все слышала и замечала. От многих бед она людей спасла, особенно молодых. Ведь своих папу и маму расстраивать не будешь, а ей можно было все рассказать, совет получить и помощь, — очень грустно закончила Галя свой маленький смешной рассказ.

— Ох, девчонки, через два года будет сорок лет, как мы окончили школу, может, соберем своих

одноклассников со всего мира, накроем столы и вспомним свое замечательное детство, — предложила я, изменив тему разговора.

— Не думаю, что это удастся сделать, и потом встреча получится очень грустная, — перебила меня Наталья. — Не только потому, что мы почти все уже бабушки и дедушки. Весь мир с тех пор стал иным, страна другой, да и дворов нашего детства больше нет. Помните, как все мы весело, лет с пяти-шести, с ключом на шее, гоняли в казаков-разбойников, в штандера, в вышибалу? Сейчас же я провожаю свою младшую двенадцатилетнюю дочь в школу и забираю ее оттуда. И общается она со своими ровесниками не сидя в беседке и слушая брэнчание гитары лохматого неуклюжего мальчишки, а переписываясь непонятно с кем в чате.

— Помню, у нас в классе только Андрюшку Равиковича дедушка провожал в школу, тихонько идя за его спиной, и то лишь лет до восьми. И как только Андрюху за это не дразнили! А теперь... Вчера иду с работы и вижу здорового парня лет двенадцати, за которым бабушка несет в школу тяжелый портфель. Прорвало меня чего-то, остановилась, стала стыдить мальчишку, так такого от его бабушки наслушалась, что немудрено понять, почему дети сейчас растут инфантильными эгоистами, — со вздохом добавила Люся.

— Ладно, девочки, хватит о прошлом, расскажите, как сейчас живете, может, повеселеет, — постаралась я как-то оживить обстановку.

— Как живем? Живем — не тужим, — сказала Галина, наполняя наши бокалы пенящимся шампанским. — Видишь, все у нас есть: еда, работа, мир, и все это нахо-

дится в коридоре между тем, что положено, и тем, что не положено.

— Что значит: положено и не положено? — удивленно, чуть не подавившись, воскликнула я.

— Как же тебе объяснить это, человеку, приехавшему в свою родную страну, прости, как турист. Ты видишь вокруг себя ярко и красиво раскрашенные здания, цветущие кусты роз, чистые улицы, аккуратно постриженную траву и деревья, ешь вкусную еду. А я вот четыре месяца занималась здоровьем своей старенькой мамы. Слепнуть она стала, надо было сделать операцию — удалить катаракту глаза. Месяц мы с ней вдвоем собирали анализы. Она у меня плохо ходит, возраст, передвигается с помощью двух палочек. К семи утра я шла за номерками в поликлинику, потом везла ее на прием к различным врачам. Каждый день один врач или один анализ. Потом с этой кучей документов надо было встать на очередь на операцию, а когда время госпитализации подошло, пройти повторно врачей и анализы, поскольку они действительно только десять дней, — терпеливо и как-то обреченно стала объяснять мне Галка.

— Разве нельзя записаться на операцию, а когда подошло время, за десять дней до нее, сдать все анализы и пройти врачей? — ошеломленно спросила я.

— Не положено, — каким-то чужим голосом ответила мне Галина. — Хоть головой в стену бейся, не положено!

— Но ведь это издевательство над людьми! — сорвалось у меня.

— Это еще не издевательство! Издевательство началось дальше, когда мы попали в больницу, в палату на шесть человек с туалетом в коридоре. Куда пожилые люди после операции просто не могут пойти. Когда же я узнала,

что в отделении есть двухместные, благоустроенные палаты с санузлами, я стала врача просить положить туда маму. На что мне ответили, что палаты платные. Причем на все мои предложения заплатить мне отвечали: «Не положено, ваша мама старше восьмидесяти лет, и ей положено бесплатное лечение. Вы понимаете разницу между положено и не положено?!» Теперь поняла, в чем разница между туризмом и жизнью в этой стране!

— Поняла. Проблема, которую можно решить за деньги, — это не проблема, а проблема — это когда денег не берут и ничего не делают, — решила я пофилософствовать вслух.

Стол ломился от вкусовостей: картошечки с салом, беляшей, салатов, заливного, солений и мочений, а мы сидели притихшие и грустные, понимая, что невозможно вернуться в мир нашего детства, как, впрочем, и существующий не переделывать.

Мои бывшие одноклассницы разошлись по домам, благо идти было недалеко, а я, убрав посуду, вышла подышать свежим воздухом. Вокруг цвели сады, и сочился в душу, принося покой, аромат сирени.

И тут я услышала веселый смех и радостный возглас:

— Привет, Пропажа, где тебя носило? Рот закрой и лучше дверь подъезда поддержи, а то сейчас меня ожидает та же участь, что и старушку из старого анекдота. Эта дверь серьезный охотник. Знаешь, сколько бабушек она уже подранила?

Мне навстречу, держа под мышками два картонных чемодана с окованными краями, выходил старый добрый дядя Рафа. Он пытался протиснуться в подъездную дверь, придерживая ее ногой.

— Что стоишь, как статуя Свободы, держи это, — сказал он, и повернувшись боком, умудрился плюхнуть мне огромный чемодан на руки.

— Дядя Рафаил, но ведь его невозможно держать без ручки, — наконец-то рассмеялась я, балансируя с неудобным чемоданом, пытавшимся ежесекундно выскользнуть у меня из рук.

— Конечно, без ручки. Если бы у этого чемодана была ручка, разве бы я тогда сбросил его тебе. Шагом марш на помойку, выброси этот ящик. И возвращайся за другим, а я еще принесу, — произнес он шутливо и вернулся в подъезд.

Перетасив восемь чемоданов без ручек, мы с дядей Рафаилом присели на скамейку передохнуть и поболтать.

— Почему такая грустная, Пропажа? Зуб, что ли, болит? Так я тебе дам телефон чудного дантиста, хоть наш город и далек от Чикаго, где ты проживаешь, но зубы тоже умеют лечить прилично! — пытался меня рассмешить Рафаил Маркович.

— Понимаете, дядя Рафаил, вот я добралась до своего родного города и обнаружила, что люди практически не улыбаются. Все мои попытки рассмешить друзей или просто незнакомых людей, пошутить с ними, вызвать их ответную улыбку провалились. Не улыбаются медсестры, врачи, не улыбаются продавцы, таксисты, парикмахеры, проводники, официанты и прочий люд из сферы обслуживания, которому положено быть приветливыми и улыбочивыми, хотя бы в силу их профессии. Но, самое страшное, я сама тоже перестала смеяться, и мне от этого холодно и неуютно как-то. Улыбка исчезла с моего лица, поскольку я четко поняла, что при очередной попытке пошутить с продавцом или с дворником

меня просто сдадут в дурдом, — стала я слегка растерянно объяснять ему свое состояние.

— Знаешь, Пропажа, а ведь, кажется, это я отправил улыбки из нашего города! — начал он свой чудный рассказ. — Это было тридцать пять лет тому назад, когда сотни тысяч евреев уезжали из Советского Союза. В стране ничего не было, всего не хватало, в том числе и чемоданов. Я же, будучи начальником отдела снабжения одного из заводов, узнал, что в соседнем районе на фабрике кожгалантереи скопилось большое количество брака — чемоданов без ручек. Тогда наш завод по моей заявке купил их по копеечной цене как тару для рабочих инструментов. И, о чудо, на заводской склад пришел вагон чемоданов без ручек. Потом два моих друга, Бенья и Изя, два прекрасных сапожника, шивших такие мягкие сапоги, что в них можно было спать и не только, начали приделывать к этим чемоданам ручки. Потом отъезжающие евреи обменивали у них в мастерской свои деревянные ящики на уже отремонтированные чемоданы. Деревянные ящики привозились ко мне на склад, где я их оприходовывал как тару для хранения инструментов, а чемоданы разъезжались по всему миру.

— Наверное, это было золотое время для такой умной головы, как ваша, дядя Рафаил? — спросила я его лукаво.

— Что ты, Пропажа! Я делал это весело и абсолютно бесплатно, — ответил Рафаил Маркович, продемонстрировав мне свои пустые ладони.

— Но зачем? И при чем здесь улыбки? — удивилась я, отгоняя раннюю надоедливую мошкарку от лица.

— Ну, ты же родилась в Гомеле, неужели забыла бородатый

анекдот о том, как старый еврей покупал яйца, отваривал их и потом продавал по цене покупки. Когда же его спрашивали, зачем он это делает, он смеялся и отвечал: «А бульон от яиц?!» Понимаешь, у меня появилось тысячи друзей в разных странах мира, со многими из них я общаюсь до сих пор. Иначе я бы давно уже умер без общения и шуток в нашем «мрачном королевстве». И кстати, если ты сходишь на местный железнодорожный вокзал, то увидишь чудную скульптуру еврея в шляпе и длинном пальто, что сидит на «моем» чемодане без ручки с надписями «Гомель — Париж — Лондон — Тель-Авив — Рио-де-Жанейро». И заметь, многие из моих чемоданов стали семейными реликвиями, а ручки, приделанные Беней и Изей, представь себе, держатся до сих пор. Иногда я думаю о том, что мои предприимчивые и неунывающие ни при каких обстоятельствах соплеменники-евреи увезли в этих чемоданах нечто большее, чем книги. Да, да, забирали в основном в иммиграцию книги: Достоевского, Шолохова, Булгакова, Пастернака и других великих русских писателей, — продолжил Рафаил Маркович свой удивительный рассказ.

— Так что же они увезли еще? — воскликнула я.

— Они увезли свою культуру, анекдоты, неповторимый колорит, математику, атмосферу. Они увезли улыбки, ведь ручки от чемоданов очень напоминают улыбки. Я знаю, ты много путешествуешь, Пропажа, встречаешь различных людей, у меня к тебе просьба, рассказывай им эту смешную историю про чемоданы без ручек, и если люди будут смеяться — собирай их улыбки в бабушкин рушник, привози их обратно и разбрасывай здесь.

Кто знает, может быть, собранные и возвращенные тобой улыбки прорастут опять в этой болотной земле, — с надеждой и совсем по-мальчишески произнес дядя Рафа.

— А при чем здесь рушники? — окончательно обалдев от его логики, спросила я.

— Так ты ничего не знаешь про рушники и корни своего рода? Ну, это поправимо, здесь, километрах в двадцати от Гомеля, есть небольшой городок староверов — Ветка. Там находится потрясающей музей. Поезжай, многое узнаешь о тайнах старых рушников, а потом еще больше захочешь узнать! Хотя хватит мечтать, порядок должен быть, порядок — это положено, а это не положено, — неожиданно серьезно свернул свой монолог дядя Рафаил. — Знаешь, мой отец всю жизнь проработал корреспондентом, даже во время войны он выпускал подпольную партизанскую газету, единственную во всем крае. Был весельчаком, балагуром и неустанно мне повторял: «Сынок, надо потерпеть, дальше будет лучше. И только когда он уже умирал, он поднял на меня свои грустные еврейские глаза и прошептал: «Прости меня, сын, я тебя обманывал, дальше будет только хуже!»

Дядя Рафаил встал, согнулся и шаркающей походкой старика двинулся к подъезду.

И тут я четко поняла, что надо начать встречаться со старыми людьми, помнящими еще тот Гомель: с его смехом, шутками, рынком и многонациональной культурой, поскольку тот город семидесятых уже, увы, потерян навсегда. Мне захотелось поехать в Ветку и, возможно, начать оттуда самое увлекательное путешествие в моей жизни — пу-

тешствие внутри себя к своим корням и предкам.

КАРТИНКА 3. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

МАРШРУТ: ВЕТКА — КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ — ИГНАТИЙ ЛУКИЧ — ИСТОРИЯ ГОРОДА — ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЕВ — ВЕНЧАНИЕ НА ЦАРСТВО — СИМВОЛЫ И ОБЕРЕГИ

Небольшой городок Ветка расположился в двадцати километрах от Гомеля на высоком берегу реки Сож. Был он весь как нарядный румяный ребенок, одет в разноцветное кружево деревянных наличников, ворот с изображениями оленей, медведей, райских птиц, с яркими петухами на коньках крыш и столбах заборов. Капли только что прошедшего дождя умыли город и радугами еще больше расцветили его старинные и не очень деревянные резные дома с окнами и веками-наличниками, башенками-кокошниками и воротами-улыбками. То ли из-за того, что на улицах почти не встречались железобетонные многоквартирные коробки, то ли благодаря густому, напоенному ароматами цветущих садов и сирени воздуху, то ли от блеска маленьких радужных капель-солнышек создавалось стойкое ощущение присутствия в иной реальности. Как будто с картинки семнадцатого века сошел кусочек Французского квартала Нового Орлеана или купеческого московского посада.

Машина остановилась, таксист повернулся ко мне и пробубнил:

— Все, хозяйка, приехали, вот музей, где хранятся старые рушники и прочая рухлядь. Выходи на Красную площадь. Когда закончишь байки слушать, позвони, я тебя обратно в Гомель отвезу.

Я вышла из такси, подняла глаза и на трехэтажном купеческом доме с тяжелыми бревенчатыми воротами прочла: «Красная площадь, 5» — это был Ветковский музей народного творчества. Ильич рядом тоже присутствовал, правда, не в мавзолее, а в виде памятника.

Войдя в вестибюль музея, я увидела широкой кости среднего роста пожилого мужчину с окладистой седой

бородой и копной непокорных стального цвета волос.

— Здравствуйте, что привело вас в наше захолустье? Желаете послушать экскурсию? — обратился он ко мне.

— Да, очень хочу узнать побольше о коллекции старинных рушников, — несколько растерянно ответила я.

— Отлично! Сейчас подойдет сотрудница нашего музея, зовут ее Анна Григорьевна, и она с удо-

вольствием покажет наши экспонаты, — продолжил разговор незнакомец, несколько нараспев растягивая слова. — Зовут меня Игнатий Лукич, я, как сейчас принято называться, краевед, ожидаю учеников местной школы для проведения факультатива по истории края, — представился мой собеседник.

Продолжение следует.

США

